

ГЛАВА 1

— Командир на борту! — привычно выкрикнул вахтенный.

Лейтенант Парамонов взбежал по трапу, замедлил шаг, ступив на борт. Вскинув руку к козырьку фуражки, привычно отдал честь флагу. Выслушав доклад вахтенного, что на борту без происшествий и судно готово к выходу в море для выполнения боевой задачи, Парамонов отдал приказ:

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

Малый «охотник». Маленькое суденышко, но в умелых руках моряков он может стать грозным оружием против вражеских подводных лодок и даже малых надводных кораблей. А моряки Тихоокеанского флота умели воевать. Легкое скоростное судно водоизмещением всего 56 тонн, малый «охотник» развивал скорость до 27 узлов. Маленькая осадка судна всего в полто-

ра метра позволяла не бояться вражеских торпед. А две полуавтоматические 45-мм пушки и два крупнокалиберных пулемета ДШК позволяли отбивать атаки врага и огрызаться весьма существенно. В арсенале судна было 24 глубинные бомбы и четыре мины. Так что враг вынужден был считаться с малым «охотником», когда тот нес патрульную службу ОВР (охрана водного района) или сопровождал караван кораблей. Крепкий корпус корабля был разделен водонепроницаемыми переборками на шесть отсеков, что позволяло делать «охотника» максимально живучим. Сколько раз Парамонов возвращался после боя с полупритопленным корпусом. Вода плескалась под ногами в ходовой рубке, но судно держалось на плаву и упрямо шло к цели. Шестнадцать моряков на борту были одной семьей, единым организмом.

Заработал двигатель. Матросы приготовились сниматься со швартовых, когда вахтенный кивнул в сторону пирса:

— Командир! Батя...

К борту подрулила черная «эмка», из которой, сгибаясь, как циркуль, выбрался командир дивизиона, капитан второго ранга Васильев. Высокий, худой, с орлиным носом комдив был строгим офицером и требовательным начальником. Но моряки, служившие под его на-

чалом, знали Васильева еще и как заботливого и справедливого командира. Как это часто бывает в армии и на флоте, за глаза его звали Батя.

Остановив отшвартовку, Парамонов легко перепрыгнул на пирс и поднес руку к козырьку для доклада, но в этот раз Васильев остановил лейтенанта.

— Ну, как настроение, Слава?

— Все в норме, как положено, Иван Васильевич! — улыбнулся Парамонов.

— Ты вот что, Вячеслав. — Комдив достал дюралевый портсигар, открыл его и протянул моряку. — Когда будешь возвращаться, задержись на траверсе Шумшу. Тебе придет радио, в какой квадрат прибыть. Там встретишь эсминец «Зоркий», снимешь с борта военврача Васильева и раненого моряка. И доставишь на базу.

— Галя на «Зорком»? — удивился Парамонов.

Военврач Галина Ивановна Васильева была дочерью командира дивизиона. И за трогательными отношениями командира малого «охотника» и Галины Васильевой наблюдал весь дивизион. Начальник связи смотрел сквозь пальцы на то, что иногда в радиопередачах или Парамонов, или Васильев чуть-чуть нарушали инструкцию по радиообмену и позволяли себе немного личного. Связистки и медсестры качали голо-

вами и вздыхали, когда на вечере в офицерском клубе смотрели на эту пару. Парамонов и Галя почти не танцевали. Они стояли у окна и разговаривали. Никто не видел, чтобы влюбленные хоть украдкой, но обнимались, целовались, не видел проявлений какой-то нежности. Но во взглядах молодых людей было столько трепета, столько трогательной любви, что обсуждать или осуждать их никто не брался. Даже отец. А ведь Парамонова все знали как геройского командира, храброго моряка, выжившего не раз победителем в неравных схватках с вражескими субмаринами и другими судами. На Дальний Восток Парамонова перевели с Балтики. Да и Галина Ивановна была храброй женщиной.

— Да, «Зоркий» попал в шторм. Один из матросов повредил позвоночник во время падения с высоты. Галину переправили гидропланом на борт. Теперь ты заберешь ее и того моряка. Будь внимателен, Слава, японцы стали вести себя агрессивно. Не исключая провокации. Ты командир опытный, выдержанный!

— Иван Васильевич, — Парамонов посмотрел комдиву в глаза, — будет война с Японией или нет?

— Не знаю, Слава, не знаю, — покачал головой Васильев. — Обстановка очень сложная, сведения поступают очень противоречивые.

Японцы ведут себя нагло, постоянно пытаются спровоцировать нас, провокации одна за другой. Так что будь внимателен и выдержан, командир!

— Есть, товарищ капитан второго ранга! — Парамонов перестал улыбаться и отдал командиру честь.

Море было беспокойным, на душе тоже было беспокойно. Все чувствовали, что положение здесь, в Приморье и на Дальнем Востоке, шаткое. И чем радостнее были сообщения с Западного фронта о постоянных наступлениях Красной Армии, о том, что гитлеровские войска пьются и пьются, оставляя город за городом, тем напряженнее была ситуация здесь. Все понимали, что Гитлеру очень нужна война между СССР и Японией. Ему нужен удар в спину советской стране.

Лейтенант Парамонов умел думать о своем и в то же время не упускать ничего по службе. Это получалось само собой, как будто в нем существовало два человека одновременно. Глаза смотрели на бескрайние воды Тихого океана, он бросал взгляды на экран гидролокатора «Дракон», слышал доклады акустика с шумопеленгатора. Одна часть его мозга, которая не отвечала за боевую работу, думала о Галине. Нет, это были не мысли, связанные с предстоящей

встречей, или какие-то воспоминания. Нет, просто напоминание, что она есть, что она любит его, и это было как щитом, как надежным крепким тылом для мужчины, что делало его бесстрашным. Если за спиной все в порядке, то можно смело идти вперед, грудью встречать любую опасность.

Судно могло находиться в автономном плавании трое суток, но такой задачи Парамонову не ставили. «Охотники» дежурили каждый в своем квадрате по двенадцать часов, потом сдавали район другому командиру, который приходил на смену. Когда до прихода смены в зону дежурства оставалось всего полчаса, по радио пришло распоряжение. Парамонову следовало перевести судно в 32-й квадрат и там ждать эсминца. С борта снять только военврача Васильеву. Раненого моряка эвакуировать опасно из-за сильного волнения на море. С его повреждением позвоночника нужны почти идеальные условия эвакуации. По прогнозам погода улучшится на следующий день, и тогда с «Зоркого» можно будет снять пострадавшего.

«Зоркий» был уже в зоне, удерживая положение малыми оборотами двигателей, стараясь держаться носом к волне. С борта увидели «Мóшку», как любовно на флоте называли морских охотников, и просемафорили, что го-

товы передать пассажира. Парамонов приказал держать полкабельтова¹ от эсминца. При таком волнении была опасность столкновения судов. Но легкий и маневренный МО-4 с умелым рулевым всегда мог уйти в сторону в опасный момент. Отойти дальше тоже было нельзя, потому что на 4-весельной шлюпке выгрести против такой волны очень сложно. Посадив на весла самых сильных матросов, боцман Вельчук сам сел за руль. Около тридцати минут борьбы с холодными тихоокеанскими волнами, и мокрый экипаж шлюпки передал на борт «охотника» военврача. Парамонов схватил Галину за руки и поднял на борт. Толчком в борт судно накренило, и военврач оказалась в объятиях лейтенанта. Но сейчас нечего было стыдиться. Моряки отводили глаза, зубоскалили по-доброму, готовясь поднять шлюпку на борт с кормы.

Парамонов проводил Галину в свою каюту, точнее, в маленький закуток с лежанкой и откидным столиком.

— Отдыхай, а я пойду на мостик, — сказал он, разглядывая женщину так, будто не видел ее несколько лет. — Погода скверная, а пару часов назад акустик слышал шум винтов. Может статься, что недалеко японская подлодка.

¹ Кабельтов — морская мера расстояния, равная 1/10 морской мили, т.е. 182,5 метра.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила Васильева, стягивая с головы черный форменный берет со звездой и проводя ладонью по волосам.

— Мне спокойнее за тебя, когда ты рядом, когда я могу тебя защитить, если возникнет опасность, — ответил лейтенант. — Еще спокойнее мне, когда ты на берегу. Отдыхай.

Штормило не сильно, всего два-три балла. Но для низкого маленького судна и этого было достаточно. Минимальный обзор из-за волн, низкие тучи повисли над морем, стирая границу между водой и небом. Бортовая качка усилилась, грозя опрокинуть суденышко. Вообще-то «охотники» устойчивые к опрокидыванию, но в силу низкой осадки качка на них ощущалась невероятно.

Это сказывалось на самочувствии экипажа, устойчивости работы двигателя, да и вообще на порядке в каютах. С такой качкой с мест срывало все, что даже было закреплено обычным порядком. Парамонов приказал рулевому сменить курс и идти носом на волну на малых оборотах. Сейчас «охотник» с бортовым номером 505 шел на юго-запад, удаляясь от родных берегов и района боевого патрулирования. Штормовой океан не для таких судов, но лейтенант верил и в судно, и в экипаж.

Чужую субмарину Парамонов заметил первым из всех, кто был в ходовой рубке. Но на подлодке советское судно, кажется, увидели давно. То ли у японцев была какая-то поломка, то ли они шли на дизелях, чтобы подзарядить аккумуляторы. Даже в шуме шторма выстрел палубной пушки был хорошо различим. Первый фонтан воды поднялся возле левого борта.

— Боевая тревога, — крикнул лейтенант, — расчетам занять места...

Парамонов не успел договорить. Яркая вспышка на носу на миг ослепила его и рулевого. Палубный настил вспучился горбом. Несмотря на шторм, Парамонов слышал, как топают ноги моряков, как на палубе уже расчехляют 45-мм пушки и крупнокалиберные ДШК. Отвечать на выстрелы врага или не отвечать, такой вопрос перед командиром не стоял. Его судно подверглось атаке в нейтральных водах, и он обязан был защищаться, защищать экипаж, эту маленькую территорию Родины, маленький ее кусочек.

Резкий поворот руля, чтобы уйти от нового попадания, но катер отреагировал очень вяло, едва развернулся. В носовой отсек судна, развороченный снарядом японской подлодки, хлестала вода. Судно сохраняло плавучесть, но маневренность его значительно упала. Выполнив

команду «лево на борт», рулевой стал неистово крутить штурвал. Еще один снаряд разорвался в стороне, окатив палубу и матросов потоком воды. Стала бить пушка «охотника», не умолкая, работал ДШК. Но при таком волнении попасть в цель было очень сложно. Еще столб воды возле самого носа — и матрос-пулеметчик повис на рукоятках пулемета. Откуда-то выскочила Галина и бросилась к раненому. Она, едва удерживаясь на ногах, сняла матроса с пулемета и уложила на палубу.

— Куда? — заорал что есть мочи Парамонов и кинулся из рубки на палубу.

Еще один взрыв! И взрывная волна ударила лейтенанта в спину, как кувалдой. Все перевернулось перед глазами, он схватился руками за морскую тужурку Васильевой, но пальцы только скользнули по толстому черному сукну. Еще один взрыв. Даже через закрытые веки Парамонову показалось, что он увидел огненную вспышку. А потом соленая вода хлынула ему в горло. Отплевываясь и кашляя, он стал грести руками, пытаясь выплыть из пучины. Спасательный жилет, который во время боевого похода надевали все моряки на катере во время несения вахты или при объявлении боевой тревоги. Не было жилета только на Галине, вспомнил лейтенант и потерял сознание.

Парамонов пришел в себя от холода. Вода то и дело попадала в рот, и он кашлял. И только когда сознание чуть прояснилось, лейтенант понял, что его рука что-то сжимает. Так сильно, что он не чувствовал своих пальцев. Он открыл глаза. Небо было не над головой, а сбоку, и в лицо плескалась вода. Почему я в таком положении, ведь на мне спасательный жилет? Наконец удалось открыть глаза больше, и тогда он видел рядом с собой что-то большое и черное. И в это черное он вцепился пальцами.

Черный флотский бушлат и растрепанные мокрые волосы. Когда же он успел схватить Галину, как же не выпустил, даже в бессознательном состоянии? Он держал Галину за ворот бушлата под подбородком и прижимал ее к себе спиной. Поэтому она не захлебнулась, поэтому он сам плавал в таком странном положении. Убрав с лица Галины волосы, лейтенант стал трясти женщину, звать голосом. В какой-то момент он испугался, что Васильева мертва, но тут послышался ее стон. Парамонов прижал женское тело к себе плотнее и отпустил пальцами ее бушлат. Пальцев он не чувствовал. Надо шевелить кистью, надо сжимать и разжимать пальцы.

Парамонова мутило от покачивания на волнах и от контузии. Он боялся, что снова потеря-

ет сознание и тогда уж точно не удержит любимую женщину. Где катер, где ребята? Неужели японцы сожгли его, потопили? Или унесло волнами? А потом спиной лейтенант ударился обо что-то массивное и жесткое. И он услышал сквозь плеск волн голоса, незнакомую речь, а потом понял, что это японцы. Пока в голове металась полусознанная мысль, как одновременно вытащить из кобуры пистолет и не выпустить из рук Галину, жесткие грубые руки схватили его, вырвали из его рук женское тело и потащили вверх. Парамонов хотел крикнуть «Галина!», но из раздраженного соленой водой горла рвался только кашель. Потом его вырвало, снова стало мутить. И прежде чем потерять сознание, лейтенант успел заметить, что Васильеву тоже достают из воды...

— Прошу сюда! — майор Тернер открыл дверь, пропуская Шелестова и Сосновского в комнату с большим стеклом, через которое виднелась другая комната — комната для допросов. И это стекло было прозрачным только с одной стороны. С противоположной стороны оно выглядело как обычное зеркало.

— Знакомые штучки, — засмеялся Сосновский, указывая на стекло.

— Это очень удобно, — скупой улыбнулся американец. — Особенно для допросов и опознаний. Когда есть необходимость показать подследственного свидетелю, когда есть необходимость наблюдать за мимическими реакциями допрашиваемого.

Шелестов обратил внимание на то, что Тернер очень старательно и правильно произносит сложные слова на русском языке. Как будто специально строит фразу посложнее. Максиму захотелось сейчас же вернуть именно фразу посложнее, чтобы понять, поймет ее американский майор или нет. Но Сосновский опередил напарника.

— Послушайте, Тернер, откуда вы так хорошо знаете русский язык? — осведомился Михаил как бы между делом, усаживаясь на одном из приготовленных для гостей стуле.

— Вы считаете, что я хорошо знаю русский язык? — американец вскинул брови.

— Да, вполне. В вас выдают американца лишь акцент и слишком правильное построение фраз.

— Да, вы правы, — неожиданно согласился майор. — Я знаю русский язык с детства, потому что моя мать русская и ее сестра тоже. В нашей семье принято говорить на двух языках, но я понимал всегда, что тот язык, на котором мы гово-

рим внутри семьи, — это язык не разговорный, не уличный, не язык, на котором говорят в магазине при покупке, между приятелями на рыбалке. Это язык литературный, язык, который сохранила старая русская интеллигенция. На таком языке говорят в книгах, но не в обычной жизни. Между прочим, хочу открыть вам один секрет. Хорошо, что вы заговорили о языке, Михаил.

— Надеюсь, это не военная тайна, — усмехнулся Шелестов.

— Ну, может, в какой-то мере и военная тайна, — пожал американец плечами. — Но разведчики союзников должны помогать друг другу. Выйти на резидента нам помог как раз язык. Один из связников, немец по национальности, но хорошо изучивший английский язык, «прокололся», как говорят ваши разведчики. Он просто не понимал разницы английского языка и американского. Это не шутка, поверьте. Так, как говорят в США, особенно в Калифорнии, не говорят в Великобритании. Связник немецкого резидента заехал на заправочную станцию за бензином и обратился со словами: Please pour gasoline into my car¹. Американец никогда не станет так изъясняться. Он просто кивнет

¹ «Залейте, пожалуйста, в мою машину бензин» (англ.).

на машину и коротко бросит: Gas¹. Не gasoline, а именно gas! Это как уличный жаргон, который присущ всему штату, даже большей части страны на юго-западе и западе. А владелец заправки бывший морпех. Он записал номер машины и позвонил в ФБР.

— И вы не уверены, что это Отто Тидеман? — спокойно спросил Сосновский, никак не отреагировав на эту историю, больше похожую на байку.

— Не уверены. Вы единственный человек, который был в состоянии добраться сюда за сутки. Фото мы могли бы получить из Германии, но для этого нужно много времени. К тому же мы знаем, что этот разведчик мастер перевоплощения. А вы знали его лично? Наш запрос вашему руководству был именно таким: прислать человека, который лично встречался с Отто Тидеманом. Мы установили плотное наблюдение за связником, и нам повезло выйти на немецкого разведчика.

— Ну, так давайте приступим? — деликатно ушел от прямого ответа Сосновский.

Майор кивнул и вышел. Шелестов посмотрел американцу вслед, дождавшись, когда за тем закроется дверь, и сказал:

¹ «Топливо» (англ.).

— А тебе не показалось, что он слишком много информации из тебя хотел выудить? И приставили к нам человека, который слишком хорошо знает русский язык. Изъясняется он сложно, понимает все, даже намеки.

— Я подумал об этом с самого начала, когда он нас встречал. При нем вообще общаться опасно. Тидеман работал до войны и в Советском Союзе, но не долго. Американцы вполне могут допускать, что мы его тогда перевербовали, а теперь они ищут косвенные подтверждения этому.

В комнате за стеклом началось движение. Вошли два здоровенных сержанта в армейской форме. Они осмотрели комнату, а затем замерли между стулом и окном. Следом двое в гражданской одежде завели в комнату арестованного. То, что он был арестованным, догадаться несложно. Отсутствие шнурков в ботинках, брючного ремня. Высокий мужчина с аккуратно зачесанными назад темно-русскими волосами, тонкими чертами лица вошел, придерживая брюки, и уселся на стул, закинув ногу на ногу. Сосновский его узнал. Михаил молча кивнул в ответ на вопросительный взгляд Шелестова.

Сосновский и Шелестов наблюдали за допросом минут двадцать, когда в комнату к ним

наконец вошел Тернер. Майор уселся рядом с Михаилом и кивнул на стекло:

— Ну, что скажете? Каковы ваши выводы?

— Это Тидеман, — ответил Сосновский. — Я его хорошо и близко знал. Ошибки быть не может. Вот эта его манера ироничности. Вот так он наклоняет голову, чуть с прищуром смотрит, когда хочет показать, что суждения собеседника несостоятельны или свое скептическое отношение к ним. Вот это он сейчас и демонстрирует следователю.

— Еще какие-то характерные приметы, жесты, привычки?

— Послушайте, майор, он же разведчик, — усмехнулся Сосновский. — У разведчиков не бывает характерных примет и ярких, заметных привычек, по которым его можно опознать, выделить. Есть нюансы чисто поведенческого характера, которые невозможно истребить в себе до конца. Но если вы ждете привычки почесывать нос во время беседы или затылка в момент замешательства, то этого у Тидемана нет. Знаете, как можно отличить одного человека от другого, даже если он наденет парик, изменит цвет глаз? Собаки отличают одного человека от другого по запаху, для них нет двух одинаковых запахов, он для них индивидуален. Вы хоть мешок на человека наденьте, она все равно узнает, кто

там спрятан. Так и у людей. Только это визуальный запах, если так можно выразиться. Десятки мельчайших подробностей, индивидуальных, что отличает мимику и жестикуляцию человека, интонационный окрас в разговоре.

— Ну, что же, я сообщу вашему руководству, что опознание произошло, — кивнул майор с озабоченным видом. — В любом случае ответ придет в Москву и вернется назад быстрее, чем вы долетите.

— В чем ваша озабоченность, майор? — спросил Шелестов. — У вас маловато доказательств шпионской деятельности Тидемана против Соединенных Штатов?

— Ну, почему же, — как-то не очень уверенно ответил майор. — Мы довольно удачно ухватили ниточку, которая вела к Тидеману, и начали ее тянуть и распутывать весь клубок. Хотя не скрою, было бы очень хорошо получить от вашего руководства сведения о работе Тидемана в вашей стране. Впрочем, вас это уже не должно задерживать. Через час самолет вылетит в направлении Аляски, а там на военном аэродроме вы пересядете на транспортный самолет с грузом, который отправится в Советский Союз по договору ленд-лиза.

Шелестов поблагодарил майора за любезность, но, как он и ожидал, просто так им с Со-

сновским улететь не удалось. Больше час Михаила обрабатывали и прямо, и косвенно, пытаясь выудить сведения. От Сосновского пытались добиться информации о его работе в Германии до войны, обстоятельствах знакомства с Отто Тидеманом, операциях, которые проводила советская разведка. Было очень трудно понять, где, в каком месте американцы перейдут черту от допустимого сотрудничества к откровенному шантажу и угрозам. Неизвестно, догадался Платов о том, что происходит с его оперативниками, или предполагал такое развитие событий, возможность давления на них. Возможно. Но и портить отношения, конфликтовать с разведкой пусть временных, но союзников он не хотел. Поэтому для подстраховки своих людей Платов организовал звонок и приезд советского консула из диппредставительства в Калифорнии. Сославшись на важные сообщения и неотложные дела, консул вывез оперативников из здания разведки. Американцы вежливо улыбались, подтверждая, что самолет ждет советских коллег для доставки их на Аляску.

— Можете не переживать, — спокойно заявил консул Шелестову. — На конфликт американская разведка не пойдет. То, что произошло, — обычная практика. Иногда она дает результаты. Просто американцы ничем не брез-

гуют для достижения своих целей. На Аляске на авиабазе в Номе вас встретит представитель АЛСИБа¹. Разумеется, он сотрудник НКВД, так что вас там прикроют и подстрахуют от возможных неожиданностей.

Самолет мотало так, что казалось, у него скоро отвалятся крылья. Вот уже час, как налетевший шторм накрыл побережье Калифорнии. Шелестову очень хотелось узнать у пилотов, почему они не получили информации о надвигающемся фронте и почему не изменили курс. Хотя, наверное, я зря паникую, думал Максим. Наверняка ничего страшного не происходит. Все под контролем, и нашей машине этот шторм не страшен. Он посмотрел на Сосновского. Михаил откинулся в дюралевом кресле и сидел с закрытыми глазами. Неизвестно, дремал он или нет, но тревоги на его лице не было.

Самолет снова кинуло в сторону, страшная вибрация прошла по корпусу. Машина мгновенно провалилась куда-то. Да так, что желудок Шелестова мгновенно оказался в горле. Он ма-

¹ Воздушная трасса «Аляска–Сибирь», построенная в 1942 году для перегона самолетов и военных грузов по договору ленд-лиза. В качестве второстепенных задач по трассе выполнялась перевозка грузов, дипломатической почты, дипломатических работников.

шинально вцепился в свое кресло. Самолет, натужно гудя двигателями, снова полез вверх, он набирал высоту, но казалось, что в любой момент снова провалится в какую-нибудь воздушную яму. Что-то спрашивать у пилотов было, конечно, бесполезно. Ни Шелестов, ни Сосновский не знали английского языка, а пилоты вряд ли понимали по-русски или хотя бы по-немецки. Но пилот все же появился из кабины и, держась руками за стену, подошел к Шелестову. В руках американца была карта, и он старательно тыкал в нее пальцем, пытаясь что-то объяснить по-английски. Шелестов делал знаки, что не понимает. Но тут до него дошло главное — пилот показывал, видимо, что их сносит далеко на юг и юго-запад штормовым ветром.

— Сносит нас, далеко сносит! — крикнул Шелестову Сосновский. — Я так понял, что они не хотят терять топливо и направляются к Гавайским островам. Вообще-то запас у них был приличный, чтобы хватило для полета от Калифорнии до Аляски без посадки и дозаправки. У него под крыльями дополнительные топливные баки установлены.

— Ясно, что расход топлива будет диким, если стараться лететь против ветра, — согласился Шелестов. — Сдается мне, они толком сами не знают, где мы находимся сейчас.

Прошло не меньше трех часов. Шелестов смотрел в иллюминатор, но там, кроме облаков и изредка мелькавшего в разрыве солнца, ничего не было видно. Какая скорость у этого самолета, размышлял Максим, пусть километров триста в час. Его снесло в океан, и пилоты развернулись, чтобы по ветру дойти до Гавайских островов. Основных баков у транспортников обычно хватает на пару тысяч километров. Пусть у него запас топлива увеличен вдвое. Все равно баки сейчас у этой машины практически пустые.

Снова появившийся из кабины пилот подтвердил опасения Шелестова. Он стал делать знаки и торопливо говорить по-английски. Но понять его можно было и не зная языка. Он говорил об аварийной посадке и просил пристегнуться и закрыть голову руками. Шелестов глянул в иллюминатор. Облака стали реже, внизу мелькала водная гладь, а чуть левее впереди один или несколько островов. Он не успел рассмотреть, насколько это большие острова и есть ли признаки цивилизации, как самолет развернулся. Пилот ушел в кабину, а оперативники стали поспешно пристегиваться ремнями безопасности.

Брошенного мельком взгляда на острова не хватило, чтобы понять, какая там раститель-

ность. Или это просто голые скалы там, в волнах и туманной мгле рассеивающихся облаков, или все же они покрыты лесами, тропическими лесами. Но не только это беспокоило Максима. А найдут ли пилоты внизу подходящую площадку для посадки транспортного самолета. И тут правый двигатель сдал. Хорошо было слышно, как его обороты упали, звук стал прерывистым. Потом мотор чихнул и снова заработал, но облегчение в душе было временным. Двигатель снова замолчал, снова чихнул и окончательно перестал работать. Сейчас летчики сажали тяжелую машину на одном двигателе, и тяги его было маловато, чтобы управиться с самолетом.

Стиснув зубы и дюралевую раму кресла под собой, Шелестов закрыл глаза. Очень неприятно находиться в опасной для жизни ситуации, когда ты, лично ты ничего не можешь сделать, чтобы ее исправить, чтобы спастись. Самолет заваливался на один борт, потом выправлялся, выходил в какой-то странный вираж. То ли летчики не могли удержать машину на слабой тяге одного мотора, то ли они умудрялись выводить ее на какую-то площадку, на которой еще можно было как-то сесть. И тут замолчал второй двигатель.

— Ну, держись, Максим! — крикнул Сосновский и, наклонившись вперед, закрыл голову руками.

Шелестов последовал его примеру, но, наклонившись, почувствовал всем естеством, что самолет стал неуправляемым. Трудно это объяснить, но возникло ощущение, что самолет не падает вниз, а падает вперед и в сторону, его несет по какой-то дуге влево. Крылья еще дают какую-то поддержку, еще как-то опираются на воздух, действует еще на них подъемная сила, но по мере падения скорости машина перестает слушаться рулей. И сколько до земли неизвестно и что там внизу сейчас? Вода, скалы?

Удар был страшным. От неожиданности Шелестову показалось, что сейчас самолет разлетится в щепки, что его внутренности превратятся от такого удара в кашу. Привязные ремни резко впились в тело. Максим услышал плеск воды, потом брызги полетели ему в лицо, а ноги сразу по колено оказались в воде. В голове все перевернулось. В полубессознательном состоянии Шелестов умудрился расстегнуть замки ремней. Он сразу свалился в воду, уровень которой поднимался в самолете с заметной быстротой. Или самолет упал на мелководье, или он держится на плаву и постепенно погружается в глубоком месте. Когда Максим упал в воду, когда влага охватила его лицо, попала в горло, заставляя кашлять, сознание немного прояснилось.

Сосновский висел на ремнях, на его лбу красовалась ссадина, и левый глаз заливала кровь. Спотыкаясь в воде о какие-то предметы, обломки, Шелестов добрался до напарника и, ломая ногти, умудрился расстегнуть его ремни. Со страшным треском фюзеляж самолета разломился, и хвостовая часть рухнула в воду. Оперативники полетели в воду. Шелестов, падая, старался удерживать Михаила так, чтобы его голова все же оставалась над поверхностью воды. Сам он погрузился с головой, вынырнул и снова приподнял бесчувственное тело друга.

— Миша, очнись! Очнись, Миша!

Воды было по грудь. Кажется, самолет больше не погружался. Сосновский застонал и открыл глаза. Шелестов снова стал его трясти, приводя в чувство. Он понимал, что не сможет тащить тело, потому что сам едва держался на ногах.

— Черт, мы живы! — криво усмехнулся Сосновский, хватаясь за плечо Шелестова. — Мы тонем? Где мы?

— Нет, самолет пока держится. Давай выбираться, Миша, вытащу тебя и посмотрю, что с пилотами.

Но посмотреть Шелестову не удалось. Да он и сам не знал, насколько у него хватит сил добраться до кабины самолета, открыть ее и вы-

тащить летчиков. И когда они с Сосновским выбрались через разрушенную часть фюзеляжа в районе оторвавшегося хвоста, то стало понятно, что кабина самолета находится под водой. Правого крыла с мотором не было. Видимо, его оторвало при падении. Сосновский держался на воде плохо, у него не было сил грести, и Шелестов решил дотащить Михаила до мелководья. Остров находился совсем рядом, всего в каких-то пятидесяти метрах. И когда Максим оттащил напарника от самолета, вдруг раздался страшный треск, кабина отвалилась и скрылась под водой, оставив на поверхности огромные пузыри от вырывающегося воздуха. Небольшая волна качнула тела оперативников. Шелестов то ропливо греб к берегу, то и дело проверяя, не появилось ли дно под ногами.

Метров через десять дно появилось. Через минуту он дотащил Сосновского до мелкого места, где тот просто упал и лежал по грудь в воде, отдыхая. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Шелестов снова пошел в воду к тому месту, где исчезла под водой носовая часть самолета. Дно опустилось, и он поплыл. Около остатков фюзеляжа он снова сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и нырнул. Опустившись на пару метров и открыв глаза, Шелестов посмотрел вниз, и сердце его сжалось от

жалости и боли. Американские пилоты не заслуживали такой ужасной смерти. Скорее всего, они были мертвы, они, скорее всего, погибли во время крушения. А сейчас носовая часть самолета медленно погружалась в темную пучину океана. Оказалось, что самолет упал на самом краю мелководья, а дальше шел обрыв вниз, в темноту. Спасло Шелестова и Сосновского то, что во время удара об воду отломилось правое крыло и центр тяжести машины сместился влево. Было бы цело крыло, и весь самолет бы свалился вниз, в эту океанскую темноту.

Вынырнув, Шелестов поплыл к берегу. Сосновский уже самостоятельно поднялся и на четвереньках добрался до берега. Теперь он лежал на песке, согреваясь на солнце. Максим подплыл к берегу, долго шел, шатаясь от усталости, по колено в воде по мелководью, а потом упал, обессиленный, рядом с напарником, сгребая руками горячий песок. Михаил приподнялся на локтях и стал смотреть на остатки самолета.

— Все? — спросил он. — Вода им пухом?

— Там обрыв, — отозвался Шелестов, переворачиваясь на спину. — Чудом весь самолет не свалился в эту бездонную бездну. Еще несколько метров — и нам конец был бы всем.

— Жаль, ребят, — вздохнул Сосновский. — Главное, что и война тут ни при чем. Погибли. Нам бы теперь еще понять, куда нас занесло, есть ли здесь люди и как отсюда выбираться. Есть идеи?

— Есть, — подумав, ответил Шелестов. — Где-то мы южнее или юго-западнее Гавайских островов, где у американцев находится военноморская база. Слишком бы было все похоже на чудо, если это Гавайи.

— Значит, какие-нибудь Филиппины, — вздохнул Сосновский. — Помнится, что большая часть этого морского региона оккупирована Японией. Ну ладно, японцев пока не видно, а что мы имеем в позитиве? Тепло, не замерзнем. Деревья явно тропические, пальмы. Кокосы, банан! Уже неплохо, но желудком от такой еды пострадать придется. А вон те желтые с пупырышками — это, как мне кажется, хлебное дерево.

— Откуда такие познания, Миша? — удивился Шелестов, с кряхтением поднимаясь на ноги.

— Была у меня одна хорошая знакомая в Берлине, — тоже вставая с песка, ответил Сосновский. — Работала в Естественно-историческом музее. Ну и я... часто бывал у нее там. Так вот, сок плодов кокосовой пальмы может в какой-то мере заменить пресную воду, но только

в какой-то мере. Нам, Максим, воду надо искать и укрытие от тропических ливней. Робинзонить придется.

— Нам не робинзонить надо, — недовольно возразил Шелестов, — а остров обследовать, людей найти. Может быть, тут туземцы живут. Хоть с голоду умереть не дадут. Постараемся найти общий язык, узнать о белых людях, как добаться или как дать знать о себе.

— Туземцы? — хмыкнул Сосновский. — А если они людоеды?

— Да ладно! — буркнул Шелестов, с сомнением глядя на товарища. — Двадцатый век все-таки.

— У нас с тобой, но не у них, — пожал Сосновский плечами. — Слушай, а в самолете, мне показалось, был какой-то аварийный набор с аптечкой. И кажется, под задним сиденьем.

— А ведь точно, — оживился Шелестов. — Ты, Миша, посиди на берегу, ты слаб еще после удара головой. А я сплаваю. Эта часть фюзеляжа вроде крепко лежит на дне.

ГЛАВА 2

Эсминец «Оклахома» возвращался на остров Оаху с повреждениями машины. Учитывая близость японского флота, командующий группой американских кораблей, патрулировавших эту часть океана, не смог выделить эсминцу сопровождение. «Оклахома» шел на базу малым ходом на свой страх и риск. Особенно стоило опасаться японских подводных лодок, но пока плавание проходило без осложнений. Командир эсминца Питер Хоули усилил наблюдение за морем и постоянно держал в полной готовности все противолодочные силы своего судна. Именно это обстоятельство и позволило увидеть человека.

— Слева по курсу тридцать человек! — вдруг доложил один из матросов, наблюдавших за водной гладью. — Расстояние два кабельтовых. Вижу спасательный жилет.

Хоули, не уходящий с ходового мостика уже несколько часов, сразу же поднес к глазам би-

нокль. Поискав глазами объект, он и правда различил яркий спасательный жилет и голову человека. Несчастный не махал призывно рукой, не подавал никаких других знаков. Скорее всего, он был мертв. Одна из жертв нападения японских кораблей. Значит, японцы кого-то потопили в этом районе. Странно, что сообщение не прошло в эфире. Хотя, может быть, командование еще не узнало об этом происшествии. Сомнительно, но и такое бывает, если повреждено радио у погибающего судна. Даже если моряк мертв, долг командира забрать тело, чтобы идентифицировать личность погибшего, установить принадлежность к конкретному судну.

— Самый малый вперед! — приказал Хоули. — Подготовить к спуску шлюпку...

То, что человек еще жив, капитану доложили сразу. А дальше спасенным завладел врач судна Юджин Дак. Хоули доложил командованию флота о происшествии, добавив, что обстоятельства уточняются. На базе в Пёрл-Харборе сразу ухватились за это сообщение. За последние двое суток два американских судна не выходили на связь, и теперь от Хоули с нетерпением ждали подробностей. Прошло больше часа, когда Дак поднялся на мостик сам. Высокий плечистый врач с круглым лысым черепом сразу заполнил помещение.

— Ну, что там? — капитан повернулся к врачу, ожидая, что тот сейчас безнадежно разведет руками и сообщит, что спасенный человек не приходит в себя и вообще умирает. Или умер.

— Все не так плохо, командир, — улыбнулся Дак. — Я привел парня в чувство. Он еще плох, но с ним можно разговаривать. Большей частью он еще бредит, но вопросы слышит и относительно адекватно реагирует. Пока действуют лекарства, с ним можно поговорить, сэр. И еще. Он русский.

— Русский? — снимая с шеи ремешок бинокля, Хоули замер. — Откуда здесь русские? Вы уверены, Дак? Хотя вы же потомок русских эмигрантов, немного знаете язык.

Молодой мужчина лежал под простыней. Осунувшийся, давно не брившийся, с темными кругами под глазами и острыми скулами, он выглядел неважно. Но глаза этого человека горели каким-то странным огнем, неутолимой энергией. Русский то открывал глаза и что-то или кого-то искал взглядом, потом снова устал закрывал их и откидывался на подушку. Его лихорадило, хотя температура, как заявил врач, всего лишь чуть повышенная. Нет признаков простуды. Дак выступал в роли переводчика, продемонстрировав, что знает не несколько русских слов, а неплохо владеет языком сво-

их русских предков. Видимо, он успел раньше убедить этого человека, что тот находится среди друзей, своих союзников. Что ему хотят помочь.

— Скажите еще раз, кто вы такой, как оказались в воде?

— Парамонов я, лейтенант Парамонов. Военный моряк. Японцы меня потопили, я не знаю, что стало с моим судном. Подлодка японская. Меня достали из воды и военврача Васильеву тоже. — Голос был хриплым, человек говорил отрывистыми фразами, каждый раз, судорожно сглатывая от волнения, он торопливо рассказывал, видимо, надеясь на помощь, на какие-то действия окружавших его людей.

— Не волнуйтесь, лейтенант, — похлопал спасенного по руке Дак. — Вы среди друзей, расскажите дальше для моего командира. Мы сообщим о вашем спасении русскому командованию.

— Да, да! — оживился Парамонов. — Нужно сообщить, непременно сообщить. Это остров, там держат пленников. Тропический остров, японцы. Они какие-то опыты ставят на людях. Нам чудом удалось бежать на катере. Я не знаю, что стало с другими. Наверное, меня ранило и я потерял сознание.

— Он не ранен, — врач повернулся к командиру. — Думаю, что это контузия или послед-

ствия от сотрясения мозга, от травмы головы. У него заметная гематома на затылке. Может, во время побега, о котором он рассказывает, и получил травму головы.

— Надо спасти этих людей, — стискивая руку врача, продолжал горячее говорить русский. — Нас в яме было шестеро. Но думаю, что есть и другие, там, в горе, в пещере. Там и американцы, и австралийцы. Один был латиноамериканец. Надо спасать, там Васильева осталась у них. Я должен помочь!

Парамонов откинулся на подушку, и его речь стала менее связанной. Он снова погрузился в горячечный бред. Дак посоветовал не мучить спасенного. Он постарается поставить его на ноги хоть в какой-то мере. Чтобы ко времени прибытия в Гонолулу русского могли допросить представители штаба. Возможно, этот Парамонов сможет дать больше сведений об этом острове и о том, что там происходит. Если, конечно, это все не бред воспаленного воображения.

Русский моряк впал в беспамятство, и Юджин Дак снова включил стерилизатор со шприцем. Крепкий парень, думал врач, сердце у него молотит, как добротный мотор. А значит, идет питание всего организма, и все эти обмороки и потери памяти лишь временное наруше-

ние сигналов, электрических импульсов в коре головного мозга. Мало еще мы знаем о мозге, но этому парню точно еще рановато уходить в иной мир. Выкарабкается.

И Парамонов карабкался, будто лез в гору, цепляясь пальцами за острые края скалы, подтягивался из последних сил и лез дальше. Он не мог иначе, потому что там, на острове, осталась Галина. Он не успел пробиться к ней, Вячеслав вообще не собирался бежать с острова без Васильевой. Он хотел ее вытащить, спасти, а потом... Что потом, неизвестно, да и не думал об этом лейтенант. Сейчас его долг был в том, чтобы спасти женщину, и он ринулся туда, где, как ему казалось, находилась пещера с лабораториями.

Каким-то чудом этому крепкому австралийцу удалось перерезать, перетереть лиану, которой была связана решетка из жердей. Парамонов лишь увидел, что австралиец и два американца шепчутся о чем-то, а потом, когда охранник ушел, двое пленников держали на плечах третьего, который чем-то перетирал жгут из растительных волокон. Им удалось раздвинуть четыре жерди, и тогда один из пленников высунул голову и убедился, что рядом нет охранников.

Из восьми пленников в этой яме только четверо могли драться. Парамонов, успевший за-

метить у берега с деревянным пирсом большой моторный катер, стал знаками показывать своим товарищам, используя несколько английских морских терминов, которые знал. Американцы его поняли. Один за другим пленники выползли из ямы и откатывались к кустам. Последними вытянули раненых и ослабших. Вячеслав уже прикидывал, как подобраться к входу в пещеру, закрытую маскировочной сеткой. Единственным оружием был камень. Ударить в голову, в лицо, отобрать автомат — и внутрь, стрелять и рваться дальше, искать Галину. Что будет потом, не важно, главное — найти. Он понимал, какой ужас может испытывать женщина в ее положении. В одиночестве, в лапах беспощадного жесткого врага. Американцы что-то говорили, намекали на что-то медицинское. Но, как понял лейтенант, это не госпиталь, а после того, как один из них щепкой написал на песке под ногами три цифры — 731, Парамонов все понял.

Об отряде 731 он слышал от руководства, от замполита дивизиона. Это подразделение японской армии имело в распоряжении лаборатории и неограниченное количество подопытного человеческого материала в оккупированном Китае. Материала для исследований в области вирусологии. Это подразделение создава-

ло бактериологическое оружие. Были и другие подразделения, лаборатории, имевшие не менее бесчеловечные цели¹. И Парамонов хотел любой ценой вытащить отсюда Галину.

Лейтенанту удалось первым завладеть оружием, оглушив японского солдата. Когда в его руках оказалась винтовка, Парамонов почувствовал, что у него как будто даже прибавилось сил. Ставив с убитого пояс с патронными подсумками, Вячеслав открыл огонь по сбежавшимся отовсюду солдатам. Упал сраженный пулей американский сержант, австралийца ранили в ногу, и он, отстреливаясь из чьего-то пистолета, отползал по песку к воде. Второй американец уже заводил мотор катера. Освободившиеся узники что-то кричали Парамонову по-английски, но он не понимал, да и не слушал никого. А потом в глазах полыхнуло огнем, от сильного удара Парамонов полетел в темноту. Или граната

¹ Отряд 731 проводил исследования в области создания бактериологического оружия. Основное место расположения — в пригородах Харбина (Китай). Отряд 516 официально именовался как «Отряд 516 Химического управления Квантунской армии». Располагался в Цицикаре (Китай). Отряд 100 — исследование в области бактериологического оружия для заражения скота и прежде всего лошадей. Место расположения — Синьцзин (Китай).

взорвалась, или еще что-то. Этого лейтенант не знал и не помнил. Он очнулся уже в катере, в полном одиночестве. Вокруг был бескрайний океан, мотор катера не работал. То ли заглох от повреждения пулей, то ли закончилось горючее. Хуже всего было то, что катер набирал воду через пробоину в днище. Парамонов с трудом, то и дело теряя сознание, надел спасательный жилет, валявшийся в катере. Потом, видимо, суденышко затонуло, а он оказался в воде. Как он попал в катер, почему был один, оставалось лишь догадываться. Видимо, беглецы уложили его, потерявшего сознание, в катер, а сами не успели в него запрыгнуть, а может, кто-то и успел, но был убит преследователями и свалился в воду. Возможно, что по этой причине японцы и не стали преследовать катер, полагая, что в нем никого нет. Они не увидели лежавшего на дне русского лейтенанта. Все надежды беглеца были связаны с тем, что его катер несет межпассатным противотечением в сторону Америки. Насколько он помнил распределение течений по широтам. Хуже, если его захватит пассатным течением и понесет на запад. Прямо в лапы японцев, оккупировавших большую часть Полинезии. Когда затонул катер и Парамонов очутился в воде, надеяться ему было уже не на что.

Берия выслушал Платова спокойно. Когда комиссар госбезопасности закончил доклад об обстоятельствах исчезновения самолета, на борту которого находились Шелестов и Сосновский, Лаврентий Павлович встал из-за своего рабочего стола и подошел к окну кабинета. За окном разгорался рассвет. Посветлевшее небо окрасилось первыми лучами солнца, блеснули слезинками московские крыши, влажные после ночного дождя.

— Ты уверен, что это не американцы подстроили исчезновение самолета, захватив наших людей?

Вопрос был, скорее всего, риторический. Берия сам распорядился отправить Сосновского в Калифорнию. Да еще не одного, а вместе с Шелестовым. Он прекрасно знал, что американцы способны на какую-то выходку, здраво оценивал обстановку. Ленд-лиз, союзнические отношения — это одно. А работа разведки — это зачастую совсем другое. И если к ним прибыл представитель советской разведки, который лично знал немецкого разведчика Отто Тидемана, то у американцев вполне могло появиться желание вытрясти из Сосновского побольше информации и о немце, его работе и советских операциях. Риторический. Но Платов счел необходимым все же высказать свое мнение.

— Считаю, что происшествие действительно имело место, Лаврентий Павлович. Если бы американцы решили захватить наших людей, они бы использовали непроверяемую легенду. В данном случае мы имеем сведения о типе самолета, бортовом номере, маршруте полета. В течение суток мы будем иметь подтверждение от наших людей в США о том, взлетал ли этот борт, садились ли в него пассажиры, соответствующие указанному словесному портрету. У нас будут подтверждения переговоров в эфире диспетчеров и аварийного борта. Синоптики уже подтвердили прохождение штормового фронта на западе Калифорнии. Жертвовать пилотами, самолетом, репутацией. Наши люди в их глазах не стоили таких затрат. Это слишком даже для разведки.

— Хорошо, отправь командованию Тихоокеанского флота от моего имени просьбу организовать поиски между Сахалином и Аляской. Обломки самолета, надувной плот, спасательные жилеты.

— Вы думаете, что самолет все же выдержал курс? — спросил Платов с сомнением. — Я справлялся у летчиков. При мощности двигателей «дугласа» и той скорости ветра, что дул у берегов Калифорнии, ему было не вытянуть. Но вы правы, Лаврентий Павлович. Будем ста-

раться учесть все варианты, даже невозможные. Можно послать в тот район наше судно, но это не даст результатов. Не зная места падения хотя бы с точностью до морской мили, искать в открытом океане бесполезно. Тем более что наш корабль с Сахалина придет туда не раньше чем через трое суток. Капоковый спасательный жилет дает возможность продержаться на воде несколько часов, потом он пропитывается водой и не держит человека на поверхности.

— Собери всю подтверждающую информацию о маршруте пропавшего самолета и вообще об этом рейсе, — хмуро приказал Берия. — Запроси наше консульство в Сан-Франциско. Обо всех результатах поиска докладывай мне немедленно. Американцы, я уверен, будут искать свой самолет.

— Слушаюсь, — кивнул Платов. — Я отправил запрос Ширшову в Наркомфлот. Возможно, у них в данный момент есть какие-то суда в том районе.

Гидрологическое судно «Профессор Молчанов» находилось в океане уже второй месяц. В задачу судна входили не только наблюдения за течениями, физико-химическими характеристиками вод Мирового океана. Экипаж из состава ученых вел и метеорологические наблю-

дения. Обычная работа одного из судов всей системы наблюдения за атмосферой и прогноза погоды. Тысячи синоптических станций, точек получения характеристик помогали оценивать скорость и свойство воздушных масс, прогнозировать изменения погоды. А это важно и для авиации, в том числе и военной, и для судов страны. Эти работы велись постоянно и в мирное время, продолжались они вестись и во время войны.

По договору между странами «Профессор Молчанов» имел право заходить в Гонолулу для пополнения топлива, пресной воды, провизии. И сегодня капитан Груздев нанес визит начальнику порта Майклу Уилкеру, которого знал много лет еще по службе в торговом флоте.

— О, Иаков! Рад тебя видеть. — Большой, грузный Уилкер пошел навстречу гостю, протягивая руку. Имя Яков он выговаривал на английский манер — Иаков.

— Где твоя прежняя стройность, Майки? — улыбнулся Груздев, пожимая американцу руку.

— Да, да! — рассмеялся Уилкер. — Мы не молодеем. А ты все ловишь ветра и морские течения в свои сети? И как? Твои предсказания погоды подтверждаются? Проходи, выпьем с тобой виски, как раньше.

— Я не предсказываю погоду, Майк, — принимая приглашение и усаживаясь в глубокое кресло, ответил Груздев. — Я только вожу это судно и отвечаю за два десятка ученых на борту. Сейчас вот заправлюсь у тебя — и снова в море.

— Как идет загрузка? Все в порядке, Иаков? — приподнимая стакан с коричневой жидкостью, спросил американец.

— Все в порядке, Майк, — отпив глоток виски, улыбнулся Груздев. — В твоём хозяйстве всегда порядок, старый морской волк. А как у тебя дома, как Мэри?

— Старушка Мэри дома, увлеклась разведением цветов. У нас ведь есть дом на берегу, откуда видно море. Ты все обещаешь выбраться и навестить мой дом, Иаков. Понимаю, сейчас тебе некогда, страшная война на твоей земле.

— Ты прав, дружище, — серьезно кивнул русский. — И на моей земле, и вокруг. Кстати, ты ничего не слышал по своим каналам? Как идут поиски пропавшего «дугласа», который унесло штормом на запад?

— С двумя русскими на борту? Нет, мне ничего не известно, да и можно ли найти упавший в океан самолет. Ты сам не хуже моего знаешь, что найти кого-то в такой ситуации — скорее чудо, чем удача. Хотя наш эсминец вернулся из патрулирования и привез какого-то русского.

Говорят, моряк, хотя я не уверен. Может, это один из тех, кто был на самолете?

— Русский? — оживился Груздев и поставил на стол недопитый стакан.

— Так говорят, — пожал плечами американец.

— Майкл, мне нужна машина! — Груздев рывком поднялся и схватил со стола свою фуражку.

— Я дам тебе машину, друг, — заверил Уилкер. — Но спасенный человек находится в военном госпитале. Тебя туда не пустят. Мне надо переговорить с кем-нибудь, чтобы достать тебе пропуск. Сядь, я все устрою...

Уилкер сам отвез Груздева в госпиталь на служебном автомобиле. Добродушно улыбаясь, раздавая направо и налево улыбки и шуточки, грузный начальник порта вел русского капитана по госпитальным коридорам. Перекинувшись несколькими словами с доктором, он потащил Груздева в сторону небольшой отдельной палаты в дальнем крыле. Доктор что-то ворчал себе под нос, еле успевая за Уилкером. Наконец распахнулась дверь и все трое ввалились в палату, сразу заполнив ее. Хотя для этого достаточно было габаритов только одного начальника порта. Придерживая на груди больничный